

Александр Каневский

МОИ
ЭСТРАДОСТИ

Александр Каневский

Мои эстрады

«Автор»

2011

Каневский А. С.

Мои эстрадности / А. С. Каневский — «Автор», 2011

«Меня когда-то спросили: “Чем характеризуется успех эстрадного концерта и филармонического, и в чем их различие?” Я ответил: “Успех филармонического – когда в зале мёртвая тишина, она же – является провалом эстрадного”. Эстрада требует реакции зрителей, смеха, аплодисментов. Нет, зал может быть заполнен и тишиной, но она, эта тишина, должна быть кричащей. Артист эстрады, в отличие от артистов театра и кино, должен уметь общаться с залом и обладать талантом импровизации, он обязан с первой же минуты “взять” зал и “держат” его до конца выступления. Истинная Эстрада обязана удивлять: парадоксальным мышлением, концентрированным сюжетом, острой репризой, неожиданным финалом. Когда я впервые попал на семинар эстрадных драматургов, мне, молодому, голубоглазому и наивному, втолковывали: “Вас с детства учат: сойдя с тротуара, посмотри налево, а дойдя до середины улицы – направо. Вы так и делаете, ступая на мостовую, смотрите налево, а вас вдруг сбивает машина справа, – это и есть закон эстрады: неожиданность!” Очень образное и точное объяснение! Через несколько лет уже я сам, проводя семинары, когда хотел кого-то похвалить, говорил: “У него мозги набекрень!” Это значило, что он видит Мир по-своему, оригинально, не как все...»

© Каневский А. С., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Монолог автора перед занавесом-обложкой	7
Знаки препинания	9
Знаки препинания	9
Анекдот	10
Он и она	11
Подземный переход[1]	12
Смелое начинание	13
Плоть от плоти	14
Напутствие отца	15
Потерял уважение	16
Хочется	17
Круговорот	18
Рокировка	19
Всех на прокат	20
Это моя монета	21
Я и моя стая монологов	22
Я и моя стая	22
«На золотом крыльце сидели...»	24
Настольный календарь	27
Исповедь	28
Дождлся!	30
Не губите меня!	31
Мое мнение	33
«И за учителей своих!..»	34
Визит врача	35
Новогодний циркуляр	37
Ставь подпись!	38
Музыкальные истории	39
Подарите хобби![2]	41
«На ять!»	43
Ну, поверьте!	45
Я работаю женой	47
Обыкновенная история	49
Здравствуй, город Кишинёв!	51
Здравствуй, город Кишинёв!	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Александр Каневский

Мои эстрадости

*Сборник монологов, притч, сценок, интермедий,
коротких пьес и эстрадных обзоров*

© Александр Каневский, 2011.

Дизайн обложки: Евгений Лагутин.

Эмблема: Милан Стано (Словакия).

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Монолог автора перед занавесом-обложкой

«– Что жизнь его?

– Эстрада.

– И так ему и надо!»

(Эпиграмма А.Раскина)

Меня когда-то спросили: «Чем характеризуется успех эстрадного концерта и филармонического, и в чем их различие?» Я ответил: «Успех филармонического – когда в зале мёртвая тишина, она же – является провалом эстрадного». Эстрада требует реакции зрителей, смеха, аплодисментов. Нет, зал может быть заполнен и тишиной, но она, эта тишина, должна быть кричащей. Артист эстрады, в отличие от артистов театра и кино, должен уметь общаться с залом и обладать талантом импровизации, он обязан с первой же минуты «взять» зал и «держать» его до конца выступления.

Истинная Эстрада обязана удивлять: парадоксальным мышлением, концентрированным сюжетом, острой репризой, неожиданным финалом. Когда я впервые попал на семинар эстрадных драматургов, мне, молодому, голубоглазому и наивному, втолковывали: «Вас с детства учат: сойдя с тротуара, посмотри налево, а дойдя до середины улицы – направо. Вы так и делаете, ступая на мостовую, смотрите налево, а вас вдруг сбивает машина справа, – это и есть закон эстрады: неожиданность!» Очень образное и точное объяснение! Через несколько лет уже я сам, проводя семинары, когда хотел кого-то похвалить, говорил: «У него мозги набекрень!» Это значило, что он видит Мир по-своему, оригинально, не как все.

Эстрада – великая школа для писателя, она формирует парадоксальное мышление, она заставляет на малой площади, всего в пять-десять минут, создать сюжет, образы, диалоги, насытить их юмором и подтекстом, держать зрителя в напряжении, заставляя смеяться или плакать. Как много прозаиков, драматургов, поэтов, киносценаристов прошли сквозь Школу Эстрады: Виктор Ардов, Борис Ласкин, Владимир Поляков, Григорий Горин, Аркадий Арканов, Эдуард Успенский, Аркадий Хайт, Александр Курляндский... А Ильф и Петров?.. А некто Чехонте?..

Эстрада была моей первой любовью. Как всякая первая, она была не последней, я изменял ей с Театром, с Кинематографом, с Прозой, но до сих пор вспоминаю её с нежностью и с благодарностью за всё то, чему она меня научила.

Когда я начал писать пьесы, меня всегда спрашивали: «Откуда вы так чувствуете сценичность?» Я отвечал «Это не сценичность – это эстрадность». Когда я сочинял свой первый киносценарий для режиссёра Якова Сегеля, он удивлялся: «Кто тебя учил писать киношные диалоги?» Я отвечал: «Эстрада». Когда Юрий Нагибин прочитал мою повесть «Тэза с нашего двора», ещё в рукописи (мы находились в подмосковном доме творчества), он сказал:

– Вы – растратчик: из каждого вашего абзаца можно сделать главу. Не пишите тюбом – надо разводить краску.

– Не получается, – ответил я. – Обычно писатели приходят из прозы в драматургию, а у меня случилось наоборот: я пришёл из драматургии в прозу, причём, из эстрадной драматургии, поэтому не вижу фразу, а слышу, и многое кажется лишним, вот и вычёркиваю, вычёркиваю...

– Я знаю эту болезнь, – улыбнулся Нагибин, – ею болели Ильф, Петров, Эрдман...

– Спасибо! – прервал его я. – Спасибо, что поместили меня в такую больничную палату!

Я писал для многих эстрадных артистов, и для молодых, начинающих, и для уже маститых и популярных, таких как Тимошенко и Березин (Тарапунька и Штепсель), Миров и Новиц-

кий, Шуров и Рыкунин. Писал не только монологи, сценки, интермедии, но и эстрадные обозрения, мюзик-хольные представления, сценарии театрализованных концертов.

Многие из моих монологов и миниатюр перекочевали на страницы центральных газет и журналов, в сборники издательств «Искусство» и «Советская Россия», звучали по радио, исполнялись на Телевидении в популярных передачах «Вокруг Смеха» и «Кабачок «Тринадцать стульев», превратились в сценарии кинокомедий, были экранизированы киножурналом «Фитиль» и студией «Союзмультфильм», за некоторые я получал Международные и Всесоюзные премии на разных конкурсах и фестивалях.

Большинство из них собраны в этой книжке, и те, которые проверены временем, и совсем новые, ещё «тёплые», только-только из-под пера, точнее, «из-под компьютера».

Когда-то репертуар для эстрадных актёров фильтровался через вкус профессиональных литературных редакторов, не всегда безупречный, но, в основном, ставящий заслон тому потоку непрофессионализма и плохой самодеятельности, который нынче хлынул на эстраду.

Сегодня концертные организации, число которых резко сократилось, не занимаются созданием репертуара для эстрады: актёры предоставлены самим себе, вынуждены выуживать анекдоты из Интернета и сами сочиняют для себя монологи, сценки, куплеты... Сочиняют и те, кто могут, и те, кому это противопоказано.

Вот почему, мне кажется, выход данного сборника может помочь многим актёрам воспользоваться этими произведениями или подтолкнуть их на создание новых. А читателям, не согласным с уровнем многих нынешних эстрадных представлений, покажет, что на эстраде могут быть не только пучки реприз и анекдотов, но и своя литература, с «концентрированной» драматургией, с юмором и печалью, с философией и подтекстом.

С надеждой на это, я открываю обложку и приглашаю вас с свою книжку.

Знаки препинания *притчи*

Знаки препинания

Человек потерял запятую, стал бояться сложных предложений, искал фразы попроще. За несложными фразами пришли несложные мысли.

Потом он потерял знак восклицательный и начал говорить тихо, ровно, с одной интонацией. Его уже ничто не радовало и не возмущало, он ко всему относился без эмоций.

Затем он потерял знак вопросительный и перестал задавать вопросы, никакие события не вызывали его любопытства, где бы они не происходили: в космосе, на земле или даже в своей квартире.

Ещё через пару лет он потерял двоеточие и перестал объяснять свои поступки.

К концу жизни у него остались только кавычки. Он не высказывал ни одной собственной мысли, всё время кого-нибудь цитировал. Так он совсем разучился мыслить и дошел до точки.

Берегите знаки препинания.

Анекдот

Пужинали, посмотрели телевизор, попили чаю. Гостя не уходила. Сидели молча.

– Хотите анекдот? – предложила дочь и стала рассказывать. – Жил человек, имел дом, жену и детей. Надоело ему на Земле, захотелось в космос. Он построил за домом ракету, влез в неё, поджёг пороховой заряд. Ракета взлетела и упала. Человек потерял сознание. Очнувшись, он решил, что это уже другая планета. Встал, огляделся. Увидел дом, очень похожий на тот, который он оставил на Земле. Из дома вышла женщина, очень похожая на его жену, выбежали дети, похожие на его детей. Ему предложили войти, перевязали ушибы.

Он остался в этой семье, в этом доме и прожил до старости. Всё было бы хорошо, но до конца дней своих он тосковал по той женщине, которую оставил на Земле...

Посмеялись. Потом снова помолчали.

«Этот анекдот про меня, – думал хозяин. – Я всё ещё тоскую по другой женщине».

«Этот анекдот про меня, – думала его жена. – Я живу с ним, но знаю, что он тоскует по другой».

«Это про меня, – думала гостя. – Я всё ещё жду что он вернётся».

Стали прощаться.

– В следующую субботу мы тебя опять ждём, – предупредила гостью хозяйка. – Придешь? – спросила она с тайной надеждой, что та вдруг ответит отказом.

– Спасибо, приду, – ответила гостя, презирая себя за безволие.

Мужчина молчал.

Дверь хлопнула.

– Ушла, – виновато проговорила жена. И робко предложила: – Пойдём спать?

– Пойдём, – покорно согласился он.

Он и она

Он был юн и безрассуден. Она – молода и прекрасна. В нём кипела кровь. Она мечтала о принце. Он увидел её. Она увидела его.

И пришла любовь.

Целый год они были счастливы. Вместе ели, вместе спали, вместе по утрам плавали в реке. Они не верили в Бога, но тайком молили его продлить это счастье до конца их жизни.

Но однажды он обидел её. Она в ответ обидела его. Он хлопнул дверью. Она, вслед ему, разбила об эту дверь тарелку.

И пришла ненависть.

Она написала жалобу в его дирекцию. Он оскорбил её прилюдно. Она вывезла из квартиры свои вещи. Он повесил объявление о продаже квартиры. Она назло ему вышла замуж. Он назло ей женился.

Они вили новые гнёзда, растили детей, устраивали семейные вечеринки, ездили за границу, имели любовников и любовниц, благоустраивали свои дачи, оздоравливали там внуков...

И пришла старость.

Она страдала от ревматизма. Он сдавал анализы. Она возмущалась маленькой пенсией. Он писал жалобы на соседей. Она осуждала молодое поколение. Он протестовал против рока. И только во время мучительных бессонниц, оба вспоминали то единственное, что явилось оправданием их прихода на эту Землю – вспоминали свою Любовь. И вспыхивал румянец на увядших щеках, и синхронно стучали их сердца, и тянулись руки друг к другу...

Но все это уже в разных постелях, в разных городах, в разных жизнях.

Подземный переход¹

Евгений Вестник читает эту притчу

На нашей улице строили подземный переход. Всю улицу перерыли. Движение перекрыли. Троллейбус в сторону отвели.

Наконец, закончили и устроили торжественное открытие. Оркестр пригласили. Ленточку у входа натянули.

И тут вдруг выяснилось, что выхода из-под земли нет, забыли сделать: очень торопились сдать объект досрочно.

Ну, комиссия, конечно, строителей пожурела, но не лишать же весь коллектив премии. Да и опять же – оркестр уже приглашён, ленточка натянута. Решили торжества не омрачать, переход принять, а отсутствующий выход внести в акт недоделок.

Оркестр грянул марш, ленточку перерезали, и народ хлынул вниз, в переход. Правда, нашлись нытики, которые не хотели акт подписывать, мол, как же так: переход без выхода. Но председатель комиссии дал им достойную отповедь:

– Вы что, в инициативу наших людей не верите?.. Если понадобится – найдут выход!

Переход этот по сей день работает. Миллионы людей туда входят и, представьте себе, как-то выходят. Так что председатель комиссии оказался прав: надо верить в творческую инициативу!

¹ Притчу «Подземный переход» цензура категорически не пропускала. Один из цензоров изрёк: «Этот пасквиль никогда не будет опубликован!». А Вестник заявил: «Пусть посадят, а я её читать буду!». И читал на всех своих творческих вечерах.

Смелое начинание

В одном учреждении ввели такое новшество: устраивать похороны живым сотрудникам. Чтоб люди при жизни о себе доброе слово слышали. Причём, церемонию соблюдали полностью, от начала до конца. Оркестр приглашали, венки заказывали: «Дорогому», «Любимому», «Незабвенному». В газетах сообщения помещали, мол, и руководство, и весь коллектив выражают глубокую радость, что живёт и работает такой-то сотрудник. На похоронах прощальные речи говорили: «Выдающийся человек!», «Прекрасный семьянин!», «Любящий отец!»... Деньги семье выдавали, которые обычно на настоящие похороны берегут.

Ну, конечно, родители расчувствуются и плачут, дети радуются, жена гордится, а сам покойник счастлив, увенчан и живёт ещё много, много лет. В этом учреждении вообще смертность прекратилась, когда всех опанихидили.

Но однажды к ним на службу поступил новый сотрудник. Поступил, неделю поработал и умер. И хотя его мало знали, но похороны устроили от души, как живому: венки, оркестр, прощальные речи: «Дорогой!.. Любимый!.. Единственный!..». И что вы думаете? Не выдержал: встал, улыбнулся и вышел на работу – не смог с таким коллективом расстаться!

Так что, как выяснилось, доброе слово и покойникам приятно.

Плоть от плоти

Наконец, я выкроил минутку и забежал к маме.

Посыпались обычные упреки.

– Я не требую, чтобы ты заходил, коль тебе некогда. Но позвонить хоть раз в неделю ты всё-таки можешь?!

Я взорвался:

– Ты думаешь, к тебе легко дозвониться?.. Твой домашний телефон всегда занят. Вот смотри!

Я снял трубку и набрал номер её телефона. В трубке раздались отрывистые гудки.

– Убедилась?.. И на работе тебя никогда нельзя застать. Не веришь?.. Пожалуйста!

Я набрал номер маминого рабочего телефона и попросил позвать её. Мне ответили, что её нет.

Я смотрел на маму с торжествующим видом.

Она сидела подавленная и растерянная.

– Ладно, не звони. Заходи, когда сможешь.

Я вернулся домой часов в семь. Дочери ещё не было.

Когда она пришла, я сердито сказал ей:

– После школы полагается идти домой. А если ты до вечера сидишь у подруг, то хоть позвони – ведь я волнуюсь.

Дочь широко раскрыла свои огромные глаза.

– Что ты папа! Я вовсе не сижу у подруг. Можешь проверить.

Она набрала номер своей одноклассницы и попросила позвать себя. Ей ответили, что её нет. Она позвонила второй подруге, затем третьей...

Её у них не было.

Я смотрел на свою дочь и думал: моё дитя, плоть от плоти.

Почему-то стало грустно.

Напутствие отца

«Дочь моя!

Сегодня ты покидаешь родной дом и уходишь в самостоятельную жизнь. Тебя ждут трудности и испытания, взлёты и падения... Научись всё преодолевать, научись радоваться небу и солнцу, цветам и деревьям, научись наслаждаться каждым мгновением своего бытия... Тебе очень многое предстоит: всегда стремиться ввысь, найти свою любовь, родить детей и научить их всему тому, что ты сама постигнешь... Перед тобой долгая, интересная, насыщенная жизнь... Лети, моя девочка, лети!..»

И бабочка полетела.

Потерял уважение

Разговор шёл нелिцеприятный, прямой, откровенный. Так умеют говорить только настоящие мужчины, спаянные общим делом.

Ему честно высказали всё, что о нём думают: что он уваливает от дела, подводит товарищей, спихивает свои обязанности на других.

Он пытался оправдываться, лепетал что-то про семью, про детей, про слабое здоровье.

Ему резонно отвечали, что у всех семьи, у всех дети, и все не геркулеса – но никто, кроме него, не дезертирует.

Он обещал потом, в другой раз выполнить свою норму, но видел в ответ презрительные улыбки. Здесь не верили пустым обещаниям, здесь человека оценивали не по словам, а поступкам. Это был сплочённый, крепкий коллектив, потерять уважение которого было самым страшным. А он потерял. Его не уважали. Ему об этом прямо заявили, все подряд.

Он понял, что надо срочно что-то предпринять, чтобы вернуть уважение товарищей.

Он взял себя в руки.

Он собрал последние силы.

Он выпил.

Его опять зауважали.

Хочется

Сигаретки не найдётся? Очень хочется закурить. Спасибо, но лучше сигару. А теперь выпить хочется. Ещё выпить. Девочку хочется. Не эту – покрасивей, а лучше двух, на выбор. Комнатёнку бы какую-нибудь. Ну да, однокомнатную, но с двумя ваннами. Нет? Тогда можно домик. Коттедж на берегу чего-нибудь. А ездить как? Машину хочется, любую, хоть самую маленькую, «Юниор» или даже «Мерседес». А лучше две, со своим шофёром. Денег хочется. Ещё дом. Ещё машину... Ещё сколько? Три года осталось? На свободу хочется. Ой, как хорошо: ветерок, солнце, море. Очень хочется закурить. Сигаретки не найдётся?..

Круговорот

В моей квартире завелась моль. Она летала стаями по комнатам и поедала всё меховое и шерстяное. Я просто извёлся: и порошком сыпал, и химикаты разбрызгивал – ничего не помогало. Тогда друзья посоветовали мне завести жаб, мол, поедят не только саму моль, но и её личинки. Я послушался и завёл. Действительно, моль исчезла, но жабы развелись в таком количестве, что жить в квартире стало невозможно.

– Нужны цапли, – подсказали мне друзья.

Я завёл цапель. Через несколько дней последняя жаба в ужасе выпрыгнула с восьмого этажа. Но теперь я не мог избавиться от новых квартирантов: цапли оказались очень привязчивыми созданиями. Они заполонили ванну и весь день плескались в воде. Я выгонял их за дверь – они влетали в окна. Я закрывал окна – они толпились на балконе и барабанили клювами в стекло.

– Заведи ружьё, – посоветовал мне знакомый охотник, – их легко отогнать выстрелами.

Я купил двустволку, каждые полчаса выставлял дула в форточку и бабахал из обоих стволов.

После каждого выстрела цапли, действительно, взмывали в небо, но соседи стали жаловаться, что я не даю им спокойно жить.

Чтобы уменьшить звукопроводимость, я купил ковры и развесил их на всех стенах. От такого количества ковров сразу появилась моль.

– Заведи жаб, – посоветовали мне друзья.

Рокировка

Купил я аквариум с рыбками, решил написать о них рассказ. Поставил на подоконнике у стола, сижу, обедаю, изучаю. День, два, неделю. А они жрут друг друга. Вот уже одна рыба осталась, которая всех других слопала. Смотрит на меня сквозь стекло, глаза злые, голодные. Не мешало бы, конечно, корма ей подсыпать, да лень вставать, отяжелел я после обеда. Вода в аквариуме мутная, водоросли завелись, – мне менять некогда, я изучаю, – так она водоросли съела, и песок, и камушки. Живучая тварь, приспособилась. Из воды выскакивает, мух ловит. Лёгкие у нее появились. Кота моего в воду затащила, когда он хотел её лапой поддеть. Сожрала вместе со шкурой. Здоровая стала, ей в аквариуме тесно. Выпрыгнула на пол, меня за шиворот и в воду, а сама на моё место, мой обед доедает. Я хотел закричать, возмутиться, а она – червячков в аквариум. Я попробовал, проглотил – ничего, вкусно. Первая злость прошла, решил с ней по-хорошему поговорить, а изо рта только бульк-бульк, пузыри вылетают. Конечно, можно было бы из воды выпрыгнуть, да лень одолела, отяжелел я от червячков. Чувствую, жабры у меня прорезаются – дышать-то надо. Плаваю, руками помахиваю, а это уже не руки, а плавники. Хвост вырос, чтоб легче поворачиваться. Иногда вдруг ударит в мозг:

«Что со мной? Выбираться надо!» Да ведь мозг-то у меня уже рыбий стал – не реагирует. Да и неохота воду баламутить: тихо, уютно, червячков дают. А тут детишки пошли, рыбёнки малые... Я этой бывшей рыбе кричу:

– Мне, бульк-бульк, теперь больший аквариум требуется!

А она сидит на моём месте, мой обед лопает и меня изучает. А потом ещё рассказ обо мне написала, вот этот...

Кадр из мультфильма, снятого по этой притче

Всех на прокат

Хорошую эту штуку придумал кто-то: открыть в каждом районе прокатный пункт – бери на прокат кого хочешь: жену, мужа, брата...

Ну, конечно, в первую очередь, все хватают детей. А чего не брать? Получаешь готового, с гарантией. Дети – дефицит, на них надо записываться в очередь или искать ход к заведующему...

Неплохой спрос на мужей до сорока лет, старших братьев, незамужних сестер. А вот родителей – не хотят. Их и рекламировали и цены на них снижали – плохо расходятся. Залежалый товар. Зато охотно берут дедушек и бабушек – во-первых, модно: старина, а во-вторых, есть кому за детьми смотреть. Их выдают сразу в комплекте: дед, баба и внучек.

А организовано все по высшему классу: приходишь, к примеру, за женой, смотришь образцы, год выпуска, технические данные. Выбираешь подходящую модель, получаешь инструкцию пользования, расписываешься, делаешь первый взнос – и тебе её доставляют на дом.

В первый месяц техник каждый день навещает, подкручивает, настраивает, регулирует напряжение. Если испортилась, забирают и привозят новую. Умные люди за месяц до окончания срока проката специально находят недостатки, пишут жалобы и требуют новый экземпляр. И правильно делают! Зачем со старьем возиться, когда вокруг столько новых усовершенствованных моделей!

Честно говоря, я тоже хочу жену поменять. Взял новенькую, широкоформатную, безотказную, по десять часов в день работала, не выключалась, а сейчас – то одна деталь летит, то другая... Контакт нарушился, что-то перегорело. Была цветная – стала чёрно-белая... Говорит, неправильно ты меня эксплуатируешь... Чепуха! Если б качественно сделали, любую эксплуатацию выдержала бы! Эх, достать бы новенькую, последнего выпуска, в импортной упаковке!..

Стою я в гостинной, мечтаю – вдруг жена входит и с ней два грузчика.

– Это за тобой, – говорит, – я тебя меняю. Всё хрипишь, кашляешь, дёргаешься, а пользы уже никакой. Я себе нового присмотрела: и звук хороший, и нагревается быстро, и все приборы работают нормально!

И понесли меня в утильсырьё.

Это моя монета

День был жаркий и я прямо с работы купаться пошёл. Раздеваться стал, и тут у меня из кармана монета выпала, десять копеек, и в песок зарылась. Разгрёб я песок, чтоб монету найти, а её не видно. Не пропадать же – сбегал домой, взял лопату и стал копать. Копаю, копаю, смотрю – песок кончился. А под ним земля, жирная, как масло. Взял щепотку, растёр пальцами – да это же чернозём! И пласт солидный, метра полтора. Вот так находка! У нас никто и не подозревает. Это ж какие урожаи можно собирать – все соседи ахнут, тысячи рублей чистой прибыли! Надо поскорей людей обрадовать!..

А потом вспомнил про свои десять копеек и подумал: э, нет! Придёт трактор, всю землю перепашет, тогда мне своей монеты вовек не сыскать.

Собрал я чернозём, бросил его в воду, чтоб не нашли, и дальше рою. Вдруг лопата обо что-то звякнула. Снял я слой земли, смотрю: крыша. Рядом другая, третья. Стал дальше рыть – дома появились, дворцы, улицы... Дома из мрамора, тротуары мозаикой выложены, а вдоль улиц фигуры стоят, мужики и бабы, в чём мать родила. Понял я, что до древнего города докопался, неизвестную цивилизацию отрыл! Вот будет радости в учёном мире! Понаедут со всех стран академики, напишут трудов – как наука обогатится! И не только наука! Сюда еще туристов пускать будем, по древним тротуарам водить, древние фигуры показывать. И жить им есть где: древние дома под гостиницы переделаем. Это ж деньги рекой потекут, сотни тысяч долларов!..

С этими мыслями я бронзовые фигуры опрокидываю, пергаментные книги разбрасываю, серебряные кувшины переворачиваю – нигде своих десяти копеек найти не могу. А если ещё учёные понапрутся, туристы туда-сюда шастать начнут – тогда мне своей монеты вовек не сыскать!

Подумал я так и давай быстро-быстро древний город забрасывать. Забросал, затоптал, песочком присыпал, чтоб следов не осталось, и дальше рою. Вдруг прямо из-под лопаты фонтан забил. Батюшки – нефть! И так сильно бьёт, будто трубу прорвало. Вот так удача! Вот так открытие! Её ищут, а она тут, под ногами! Это ж миллионы долларов для страны! Надо скорей в газеты сообщить.

А потом думаю, ну да! Понаставят здесь вышек, вокруг них новый город вырастет. Железную дорогу подведут, аэродром построят – тогда мне своей монеты никогда не найти!

Заткнул я фонтан, а сверху еще камешками присыпал, и домой пошёл, отдыхать, сил набираться.

Завтра на работу не пойду, достану экскаватор, всю землю перерою, но свои десять копеек непременно добуду!

Я и моя стая монологи

Я и моя стая

Рассказ собаки

Недавно я завела себе людей, сразу четверых: хозяин, хозяйка, дочь и сын. Породистые, с хорошей родословной. Но им не хватало вожака, то есть, меня. Теперь я ими руковожу. Но не думайте, что это легко: людей надо дрессировать так, чтоб они этого не чувствовали, а считали, что это они тебя дрессируют.

Ну, прежде всего надо было заняться их экстерьером, сбросить лишний вес, укрепить мускулы. Они ведь ходить давно разучились – всё на метро, или на троллейбусе, или на такси. А о том, что существует свежий воздух, давно забыли. Вот я и стала выводить их на прогулки.

Это было совсем не просто – они сопротивлялись, ведь у людей отсутствует инстинкт самосохранения. Вот тут-то мы, собаки, должны прийти им на помощь. В семь утра я начинала лаять, скулить, стягивать с них одеяла – делала вид, что мне нужно срочно выйти, никак не могу удержаться. А один раз даже, для убедительности, на балконе... Ладно, не в подробностях дело!.. Главное – своего добились: они стали по утрам гулять со мной, каждый по очереди, а иногда и все вместе.

Вначале, как только я сделаю свои дела, они сразу утаскивали меня домой и прогулка заканчивалась. Тогда я решила хитрить, тянула время и уводила их всё дальше и дальше. Постепенно я стала спускать их с поводка, чтоб они могли походить по траве и поболтать с соседями, которых тоже вывели погулять другие собаки... Таким же способом я приучила их и к вечерним прогулкам. А затем перешла к следующему этапу.

У них в доме не было горячей пищи, они никогда вместе не обедали: кто в столовке, кто в кафе, кто в буфете. В лучшем случае купит хозяйка мне колбасу или консервы – и они это едят. Я поняла, что так они долго не протянут, и приняла срочные меры: перестала есть эту сухомятку, делаю вид, что не нравится, хоть у самой слюна изо рта капает. Хочу, мол, косточек. Когда хозяйка первый раз сварила курицу, я выдала такую собачью радость, что они даже прослезились. А по правде, куриные кости – это не собачья еда, ими можно подавиться. Но я ела, рискуя своим здоровьем, чтоб они и дальше кур готовили. Потом такой же спектакль устроила по поводу супа, борща, манной каши и даже тушённой капусты, которую ненавижу... Так незаметно я их приучила обедать дома, каждый вечер, всей семьёй.

Но впереди были ещё заботы.

По вечерам они все разбегались. Хозяин у приятелей до ночи в преферанс играл, хозяйка шла к соседям посплетничать, сын-подросток в подъезде песни орал, дочь-студентка убегала на очередную вечеринку. Стая на моих глазах распадалась. Тогда я сделала вид, что ужасно нервничаю, когда кто-то из них уходит: лаяла, рычала, бросалась к дверям, хватала за одежду... Они растрогаются: «Как она из-за нас волнуется!» – и остаются. Стали друзей приглашать, мою преданность демонстрировать. «Смотрите, – говорит кто-то из них, – сейчас я начну одеваться, а она меня не будет выпускать». Ладно, думаю, делайте из меня клоуна, только привыкайте к дому – и лаю до одурения, а они счастливы.

Постепенно им дома бывать понравилось, сидят все вместе, пьют чай, общие дела обсуждают. А я лежу рядом на ковре и на стенные часы поглядываю. Когда наступает одиннадцать, начинаю демонстративно зевать и на люстру лаять, мол, спать хочется, а свет мешает. Тогда они свет гасят и сами тоже ложатся. Прошло немного времени, и они привыкли к такому режиму...

Ну, что ещё?

Дочке-студентке я нашла хорошего парня. Сделала вид, что мне его боксёр понравился. Стали мы с ним гоняться друг за другом – вот они и познакомились. А боксёр вовсе не в моём вкусе: хамоват, нахален, сразу лизаться лезет. Но я вижу, что его хозяин моей студентке приглянулся – терплю. Он уже несколько месяцев к нам в дом ходит, чай с нами пьёт... Надеюсь, быть свадьбе.

Словом, забот у меня теперь поубавилось, появилось больше свободного времени. Я уже о своей личной жизни подумываю, щенков хочу завести. Кстати, тот боксёр в общем-то оказался не таким уж большим нахалом – внимателен и, даже, симпатичен. А то, что лизаться любит, так это нормально: мужчина есть мужчина... Словом, мы с ним тоже встречаемся. Но главное – стая у меня теперь что надо: дружная и выдрессированная. Всё понимают с полулая, любую мою команду сходу выполняют... Я вам так скажу не хвастаясь: если бы проводились выставки хозяев, мои бы получали золотые медали. Поверьте! Честное собачье слово!

«На золотом крыльце сидели...»

Исполнительница выходит на сцену с букетиком гвоздик.

Все любят вспоминать своё детство. А я наоборот, стараюсь его забыть. Только одна счалочка из памяти не идёт:

«На золотом крыльце сидели
Царь, царевич, король, королевич,
Сапожник, портной...
Кто ты такой?»...

Я всегда выбирала королевича, но мама учила, что надо выбирать сапожника, потому что в наше время сапожники живут лучше, чем короли.

За меня всё всегда решали родители.

Когда мне исполнилось пять лет, они захотели учить меня играть на дедушкиной скрипке.

– У ребёнка абсолютное отсутствие слуха, – определила учительница музыки, когда я ей прогнусавила «В лесу родилась ёлочка».

– Это ничего, – успокоила её мама. – Я вам хорошо заплачу, научите её слуху.

Видно, учительнице очень нужны были деньги – меня стали по вечерам к ней водить. До сих пор с ужасом вспоминаю эти уроки: я рыдала, скрипка визжала, а учительница лежала. Однажды усилием воли она поднялась, перевязала голову полотенцем и взмолилась:

– Я вам хорошо заплачу, только заберите ребёнка – у меня начинается менингит.

На этом музыка закончилась, но начались уроки иностранного языка, причём японского, чтобы всех друзей переплюнуть. Нашли какого-то самурая из Одессы, который носил кимоно и гнал самогон из риса. Он потребовал такую плату, что мама в ужасе переспросила по-японски:

– Сикоко, сикоко?..

Пятиклассницей однажды я пошла с подружками на ипподром. Меня посадили на длиннохвостого красавца. Замирая от страха и восторга, я проехала на нём по зелёному полю и на всю жизнь заболела лошадьми. По ночам мне снилось, что я летаю над городом на огненном скакуне. Я умоляла маму записать меня в конноспортивную школу, но и она, и папа, и бабушка, и бабушка хором запричитали:

– Упадёшь! Убьёшься! Сломаешь шею!..

– Даже если ты и выживешь, у тебя будут кривые ноги, – припугнул папа.

– А вот и нет! Все наездники стройные!

– Это их гримируют. А на самом деле у них ноги, как два коромысла.

И папа процитировал мне куплет из старинной песни, в которой молодой казак приветствует свою невесту:

«Я возвернуся с дороги
И расседлаю коня...
«Здравствуй, моя кривоногая,
Ещё кривоногей меня!»

Спустя годы я узнала, что песню сочинил сам папа, в соавторстве с бабушкой. Но тогда этот куплет произвёл на меня впечатление, и я перестала пробиваться на ипподром. Но ещё много лет меня нельзя было оторвать от телевизора, когда показывали конные соревнования.

Однажды, уже учась в институте, куда я поступила по настоянию папы и мамы, я случайно попала на какой-то эстрадный концерт. После музыкального вступления на сцену вышел молодой конферансье, и у меня запрыгало сердце: именно таким я представляла себе королевича из моей детской считалочки... Я сидела в первом ряду, он увидел меня и чуть не проглотил микрофон. Больше он уже ни на кого не смотрел, все свои шутки адресовал только мне. Но я не смеялась. Я сидела оглушённая и счастливая и только завидовала стойке микрофона, потому что он держал её за талию.

В антракте я выскочила на улицу, добежала до цветочного киоска, отдала все свои деньги за букет гвоздик и вернулась, когда все артисты пели прощальную песенку. Он тоже пел, но лицо у него было несчастное. Когда я протянула ему цветы, он схватил меня за руки и уже не отпускал до закрытия занавеса.

Мы провели вместе этот вечер и все другие вечера после его концертов. Мы сидели на скамейке и целовались, а я смеялась, сама не знаю почему. Он объяснил, что это до меня только сейчас дошли его шутки.

Когда я сообщила обо всём родителям, произошло что-то вроде ташкентского землетрясения. Папа затопал ногами и закричал:

– Кто?.. Конферансье?.. Пока я жив, оно к нам в дом не войдёт!

Мама пыталась сохранить дружеский тон:

– Доченька, поверь: вы не постройте семью – артисты полжизни проводят на гастролях.

– Я буду ездить с ним и помогать ему в концертах.

Этого мама не выдержала и закричала:

– В эстрадных концертах?.. Ты?!.. Через мой труп! Через папин труп! Через трупы дедушки и бабушки!..

От такого количества трупов мне стало плохо. Родители заперли дверь и не выпускали меня. Я пыталась вылезти через окно – меня оттащили. Я молила, рыдала, кричала, потом впала в апатию и неделю пролежала в постели. И сдалась. Меня ведь не научили бороться, поэтому я покорилась.

Прошёл ещё один год. Я стала девицей на выданье, и родители начали поспешно искать мне мужа. Однажды дед привёл в дом своего зубного техника, который принёс шампанское и о чём-то долго шептался с папой. После его ухода я узнала от деда, что техник хочет на мне жениться.

– Но он мне не нравится, – запротестовала я.

Дед рассердился и вытащил из стакана свою вставную челюсть.

– Не заговаривай мне дёсны! Посмотри, какая работа!

– У нас разные интересы, – пыталась я найти поддержку у мамы, – ему же целых сорок лет.

– Ну, и что? – удивилась мама. – У мужчин это переходный возраст: они переходят от жены к жене. Так что скорее выходи, а то уведут.

Я подумала: какая разница, этот или другой – и согласилась.

Свадьбу справляли пышно, в лучшем ресторане. Пришли все стоматологи нашего города и весь вечер пили за золотые руки моего мужа.

Живём мы мирно, спокойно. У нас большая квартира, гараж, дача, машина. Мама и папа счастливы, дедушка и бабушка тоже. Институт я бросила, сижу дома, смотрю за ребёнком. По вечерам помогаю мужу: кипячу инструменты, расфасовываю цемент, кладу зубы на полку. По субботам ходим к его родителям, по воскресеньям – к моим. Конноспортивные соревнования я больше не смотрю, на эстрадные концерты с тех пор ни разу не ходила... Вы спросите, зачем сюда пришла?.. Увидела его фотографию на афише, захотелось гвоздики подарить, как тогда... Нет, нет, не сама – я через билетёра передам...

Не люблю своё детство. Стараюсь его забыть. Почти забыла. Только одна считалочка из памяти не идёт:

«На золотом крыльце сидели
Царь, царевич, король, королевич...»

Настольный календарь

В конце каждого года я меняю настольный календарь, вставляю новый. А старый, исписанный вдоль и поперёк, выбрасываю в корзину. Но не сразу. Сперва перелистываю его, вспоминаю дела и заботы минувшего года.

Н-да... Много замыслов – мало свершений. С первых же чисел января повторяется запись: «В понедельник сесть за диссертацию». И каждый раз откладываю до следующего понедельника... Много юбилеев, банкетов, дней рождений – три-четыре в неделю. А вот «Зайти к маме» – не так уж часто, раз в месяц, не больше. Нехорошо!.. А записывать маму в календарь – хорошо?..

О, сколько женских имён... Часы свиданий... Одно имя не повторяется более двух-трёх раз. А что это в скобках?.. «Поля – касс», «Таня – инж.»?.. Вспомнил: «Поля – кассирша», «Таня – инженер». Чтобы не перепутать...

Часто заказываю такси, почти каждый день. Скоро совсем разучусь ходить. Не случайно – названия лекарств, телефоны врачей... Записи, которых раньше никогда не было в моих календарях: «Аптека», «Поликлиника», «Медсестра». Двигаться надо больше, двигаться!.. О, наконец: «Пойти в бассейн». И снова перенесено на понедельник... Опять: «Сесть за английский». Это уже в апреле. Там же: «Позаниматься спортом». А вот зачастила фамилия Градов. «Выступить против Градова», «Выдать Градову», «Раздолбать Градова»... Что-то раньше я не был таким кровожадным. А ведь когда-то мы с ним даже дружили!

С мая ворвалась запись «Автоинспекция». Это я машину купил. Теперь часто повторяются: гараж, тест, страховка... И слов таких раньше не знал!.. Как много заседаний, обсуждений, просмотров. Вот где время гробится!.. «Пойти с Машей в театр на детский спектакль». Это любимая племянница. Так и не пошёл. «Договориться с преподавателем английского». Это уже опять в октябре.

А может, взять и круто всё повернуть?! Продать машину, не ходить на вечеринки и совещания, по вечерам у мамы пить чай со сладким клубничным вареньем, встретить девушку, одну, единственную, жениться, вместе ходить в бассейн, помириться с Градовым, заняться спортом, сесть за диссертацию...

Обязательно. Немедленно! Не откладывая!!!

С понедельника.

Исповедь

Вы спрашиваете, почему я от жены уйду? А вы бы не ушли?.. А вы бы не ушли, если бы ваша жена всю жизнь в офисах, в самолётах, в «Мерседесах» – так что мне и уходить не от кого!.. Она у меня крупный бизнесмен, можно сказать, олигарх. Она – олигарх, а я – домохозяйка. Я – мать-одиночка. Я – муж-вдова при живой жене!.. У нас трое детей. Она их рожала между симпозиумами. Ей даже некогда было пойти в декретный отпуск – она его переводила на меня.

Недавно у неё родился четвёртый, но она об этом не знала: она в это время была на совете директоров.

Я всё надеялся, что её посадят, тогда бы я ей передачи носил, виделись бы. Но все заняты Гусинским, Березовским, Ходорковским – на других олигархов уже прокуроров не хватает.

Последние месяцы мы уже и не спим вместе: то у неё инфляция, то она кому-то делает дефолт. Я подозреваю, что это что-то интимное, но проверить не могу: с ней всегда рядом два амбала, наверное, родственники: они себя называют «братаны». Правда, два раза всё-таки приходила ночевать: в мой день рождения и в нашу годовщину.

Первый раз мы лежали на кровати, а с двух сторон, на раскладушках – братаны с автоматами. А второй раз я умолил её, чтоб мы были одни. Она согласилась.

Михаил Светин вошел в образ

Велела раздеться догола, лечь на спину, а на грудь мне поставила телефон, на живот – факс и чуть ниже – компьютер. Всю ночь посылала секретные распоряжения и просила не дёргаться, чтобы компьютер не падал.

Я понимаю, что я ей уже не пара, она теперь любого богача может иметь: недавно, сам слышал, двух банкиров заказала. А сейчас только и слышу от неё: «Чёрный Пиар, Чёрный Пиар!» – это, наверное, у неё какой-то негр появился.

И в гости к нам никто не приходит: забор такой высоты, что об него птицы разбиваются, плюс сигнализация, которая сначала стреляет, а потом воем: оплакивает. А во дворе – Гоги, пёс-людоед, кавказская овчарка, он человека проглатывает, как хачапури. А у ворот – охрана с автоматами. Кто к нам может прийти? Даже я, хотя они меня в лицо знают, обязан сказать пароль. А пароль каждый час меняют. Однажды я его забыл – пришлось под забором ночевать.

Честно говоря, я в дом не очень и стремлюсь: её нет, дети в Швейцарии учатся, мне там одному страшно. Брожу, как по телестудии: у нас во всех комнатах телекамеры наблюдают. Даже в туалетах. Но туалетами я не пользуюсь: там унитазы из Арабских Эмиратов, фарфоровые, золотом отделаны... Как на такое сядешь?.. Я их, как вазы использую, для фруктов. А для нужды я в глубине сада, нормальный сортир выкопал, на два очка, для себя и для Гоги.

И ночью я – у Гоги в будке. Вы не смейтесь: его будка при Советской власти считалась бы нормальной однокомнатной квартирой. Гоги меня пускает: во-первых, ему тоже одиноко, а во-вторых – кавказское гостеприимство. Я ему колбасу приношу а он мне у охранников выпивку ворует.

Питаться дома я не могу в холодильнике только заморские твари-деликатесы: крабы, кальмары, лобстеры... Не по мне это. Я лучше у Гоги сухой корм погрызу. Если горячего хочется, иду в кафе-самообслуживания. В этом кафе никто больше двух обедов не выдерживает. При кафе открыт медпункт и страховая компания. Если вы застрахованы, вас сразу после обеда забирает «скорая помощь». А я питаюсь там уже пять лет, меня даже по телевизору показывали, в передаче «Наши долгожители».

Вы думаете, я так просто плюнул и ушёл?.. Нет! Я жене, через референта, заявление передал: мол, прошу освободить от занимаемой должности. И две недели, как положено, ждал: может, она замену найдёт.

А потом, как стоял, так и ушёл.

Единственное, что я взял – вот этот медальон. В нём я храню котлету, которую жена сама изжарила мне в день нашей свадьбы.

Вы спрашиваете, почему я от жены ушёл? А вы бы не ушли?!

Дождлся!

– Не хочу?.. Не могу!.. Не имею права!.. – трижды отрубил директор, и трое огорчённых сотрудников покинули кабинет.

Вошла секретарша, вручила ему запечатанный конверт. Он вскрыл его, прочитал письмо и издал торжествующий возглас.

– Фу-у!.. Наконец-то!.. – Радостно выдохнул воздух. Потом спохватился, кивнул на дверь. – Верните их!

Секретарша выскочила в приёмную, заполненную посетителями, и выудила оттуда тех же трёх сотрудников.

– Значит, вам квартиры нужны? – спросил директор у первого.

– Хотя бы одну, Вадим Петрович! Я их всех там поселю.

– Зачем одну? Я вам четыре дам. Молодых специалистов надо беречь – каждому по квартире!

– Разрешите хоть в лабораторных условиях проверить мою схему, – взмолился второй.

– Это затянет внедрение: мы её сразу во всех цехах запустим. Да, да, да! Если не рисковать – значит, топтаться на месте!.. Что у вас? – обратился шеф к третьему.

– Поговорите с мастером – пусть людей не травмирует.

– Разговоры здесь не помогут – я его снимаю с должности. А вместо него ставлю вас. Нам нужны люди, болеющие за производство.

Счастливые посетители покинули кабинет.

– Я вас, Вадим Петрович, сегодня просто не узнаю, – удивлённо произнесла секретарша. – Что с вами происходит?

Директор поднялся над столом, как над трибуной, и произнёс:

– Двадцать лет сидел я в этом кресле и ни одного решения сам не принял. Ответственности боялся. Всё ждал своего часа. И дождался: на пенсию меня отпускают, с завтрашнего числа. Значит, за всё, что я сделаю сегодня, завтра будет отвечать другой. Зовите ко мне сейчас каждого, всех, подряд!.. Всё подпишу, разрешу, санкционирую... Полжизни руки были связаны – хоть полдня поработаю по-настоящему. Дождлся!..

Не губите меня!

Я с детства рос очень послушным и исполнительным. «Ешь кашку!» – и я набивал рот размазней. «Без спросу не ходи!» – и я вымаливал разрешение даже на то, чтобы пойти пописать. «С этим не дружи – он плохой!» – и я отбирал у плохого мальчика свой мячик. «Учись хорошо!» – и я зубрил ненавистную анатомию. «Занимайся спортом!» – и, не имея сил поднять штангу я перекачивал ее по залу. «Запишись в самодеятельность!» – и я гадким голосом орал в хоре.

Потом я вырос, окончил школу, окончил институт, стал взрослым, самостоятельным, даже руководящим. Но, приученный выполнять указания, я продолжал жить только так, как велят и советуют.

«Храните свои деньги в сберкассе!» – прочитал я на светящемся транспаранте и сразу положил на книжку все свои сбережения. Увидев плакат на стене сберкассы: «Летайте самолётами Аэрофлота!» – немедленно снял деньги с книжки и помчался в аэропорт. Прилетев на Кавказ и сойдя с трапа самолёта, прочитал: «Туризм – лучший отдых!» Тут же купил рюкзак и затопал по горным тропам. Где-то на перевале наткнулся на предупреждение: «Не забыли ли вы застраховать своё имущество?» В ужасе хлопнул себя по лбу: конечно, забыл! Сбросил рюкзак, скатился вниз, вскочил в самолёт, вернулся обратно и немедленно всё застраховал: квартиру, мебель, одежду и даже кошку.

Заметив призыв: «Посетите наш ресторан!», вошёл вовнутрь и, хотя есть категорически не хотелось, насильно затолкал в себя два комплексных обеда. Недоеденный кусочек хлеба хотел оставить на тарелке, но, прочитав над столом, что «Хлеб – наше богатство!», бережно спрятал недоеденное богатство в кошелек. Взглянув на табличку «Посетитель и официант, будьте взаимно вежливы!», пожал руку официанту, потом обнял его и оставил ему рубль «сверху». Покидая зал, увидел другую табличку: «Не унижайте официантов чаевыми!», ринулся назад и прервал унижение официанта, отобрав у него свой рубль.

Услышав по радио «Уничтожайте мух – источник заразы!», помчался за первой же встреченной мухой, полдня гонялся за ней и прихлопнул её уже за городом, на лесной опушке. К дереву был прибит щит, который призывал: «Берегите муравьев – санитаров леса!». Откликнувшись на этот призыв, я погладил по спине пробегающего муравья и угостил его убитой мухой.

Как видите, я был очень послушным. «Не курить!» – бросал недокуренную сигарету. «Не сорить!» – тут же подбирал ее обратно и прятал в карман. Если пиджак начинал дымиться, я не пугался – я с детства помнил спасительный завет: «В случае пожара звоните по телефону 01». «Даёшь!» – и я отдавал последнюю рубашку. «Только вперёд!» – и я бежал впереди всех. «Догоним и перегоним!» – и я мчался, обгоняя импортные машины. «Выполним и перевыполним!» – и я перевыполнял любое выполнение. «Все как один!» – и я собирал группу таких же, как я, и мы наперебой копировали друг друга.

Только один лозунг однажды поставил меня в тупик: «Экономика должна быть экономной». Сперва я растерялся, я не знал, как надо на него откликаться. А потом понял, что это образец для импровизации, и стал сам штамповать подобное: «Наука должна быть научной», «Искусство должно быть искусственным», «Ограниченность должно быть ограниченной»...

Вот так я шагал по жизни спокойно и беззаботно, ни о чём не задумываясь, выполняя готовые указания, которые были на каждом шагу. И вдруг они стали исчезать, с каждым днём их всё меньше и меньше. И я остановился. Я растерялся. А вдруг их совсем не останется, что тогда? Мне говорят: решай сам. А как? Я же не привык, меня этому не учили. Я ведь теперь до конца жизни простою на месте в паническом неведении: как быть? Что делать? Куда идти?..

Пожалуйста, не губите меня! Пощадите! Дайте хоть одно спасительное указание, как жить без указаний!..

Мое мнение

Вы спрашиваете, понравился ли мне спектакль?.. И да и нет. Туманно? А я своего мнения об искусстве никогда прямо не высказываю. После одного случая.

Было мне тогда лет двадцать. Я выступал в самодеятельных концертах и мечтал стать артистом. Мой приятель, известный эстрадный фельетонист, помог мне устроиться в местную филармонию. Он убедил директора в том, что я прекрасно чувствую и понимаю искусство, и директор меня принял.

В тот же вечер, просмотрев концерт с участием моего приятеля, я отправился к нему за кулисы. Он сидел, окружённый незнакомыми мне людьми.

– Ну, как? Тебе понравилось мое выступление? – спросил приятель.

Откровенно говоря, мне его выступление не понравилось, но не мог же я ему об этом сказать прямо.

– Выступал ты неплохо, но какой дурак написал тебе этот монолог?..

В этот момент приятель слегка толкнул меня в бок и прошептал:

– Тише! Здесь стоит автор.

Я растерялся, но тут же вышел из положения:

– Нет, сам монолог ничего, но вот музыка к нему... Это же бред!

Приятель снова толкнул меня и прошипел:

– Идиот! Рядом с тобой композитор!

– Нет, музыка бы еще прошла, но режиссёр...

Сильный удар в бок дал мне понять, что здесь же находится и режиссёр. Я почувствовал, что запутываюсь окончательно, и, стараясь как-то выкарабкаться из этого положения, пролепетал:

– Вообще-то всё, наверное, хорошо. Просто я сам ничего не понимаю в искусстве!

В это мгновение на мое плечо легла чья-то рука. Я обернулся и обомлел: сзади стоял директор филармонии.

– Молодой человек, – произнёс он сурово, – артистам, ничего не понимающим в искусстве, не место в моей филармонии!

Вот с тех пор я своего мнения об искусстве никогда прямо не высказываю. Как живу? Прекрасно живу. Тридцать лет работаю театральным критиком.

«И за учителей своих!...»

Новогодний тост

Друзья мои! Позвольте сегодня, за этим праздничным столом произнести свой первый тост за моих настоящих, истинных врагов, которые помогали мне двигаться по жизни и научили всему самому нужному самому мудрому и самому полезному.

Начну с тебя, Вилька Козырев, наш классный хулиган и пристава, который всегда издевался над моим хилым телосложением и позорил меня перед девчонками. Я долго терпел. Но когда в наш седьмой «Б» перешла Линочка Яралова, в которую мы все немедленно влюбились, твои издевательства стали мне невмоготу. Тайком я стал посещать секцию бокса, и уже через полгода изметелил тебя на перемене под одобрительные аплодисменты Линочки. И хотя ты стал обходить меня третьей дорогой, спорт я уже не бросил и с тех пор регулярно занимался боксом. Как часто потом это выручало меня в жизни. Спасибо тебе, мой заботливый, мой дальновидный хулиган!..

Низкий поклон вам, неуважаемый Константин Иванович! С детства я был вспыльчив и невыдержан, взрывался из-за пустяков, устраивал скандалы. Но когда, после института, я попал к вам в отдел, где вы, пользуясь своим положением, ежедневно орали и оскорбляли подчинённых, в том числе и меня, я на собственном примере понял, как тяжело тому, на кого кричат, и как мерзок тот, кто себе это позволяет. Я стал следить за собой, гасить в себе вспышки ярости, воспитывать сдержанность. Говорят, что мне это удалось, я стал выдержанней и корректней – благодаря вам, мой почтенный хам. Спасибо!..

Благодарю и вас, завистливый гражданин Котенко, мой рецензент, мой оппонент, мой душитель! Я был намного моложе вас, а успел уже сделать больше, чем вы. Вы не могли с этим смириться, не хотели пускать меня вперёд, на корню рубили любую мою идею, своим авторитетом давили каждое моё начинание. Я понял, что вы – невежда и победить вас можно только знанием и мастерством. Я стал серьёзно готовиться к поединку. Где нужно было прочесть один учебник – читал три, где нужно было сделать два варианта – делал пять. Работал по ночам, не знал выходных, не ездил в отпуск. Конечно, вы лишили меня многих радостей жизни, но в результате я пробился сквозь вас: имею признание, премии, учеников. А главное, я теперь умею делать всё то, что не умеете вы – и это благодаря вам, дорогой мой шлагбаум!

Я поднимаю свой бокал не за друзей, а за врагов, и уверен, что вы, мои друзья, поймёте и не обидитесь: ведь и подружился мы, благодаря им, нашим недругам, ища опоры друг в друге против злобы, зависти и лицемерия.

Спасибо вам, мои верные враги! Я пью за то, чтобы у вас хватило сил и дальше тонизировать мою жизнь, не давая мне расслабляться и терять спортивную форму... Я не виню вас за ваши мерзкие качества, а жалею: ведь вам не повезло в жизни, у вас не было таких неутомимо-преданных врагов, которые бы испытывали вас на прочность, закалили бы ваши характеры, отслоили и очистили ваши души от шлака и мусора. Но не теряйте надежды. Быть может, именно этот Новый год будет для вас сложным, трудным, мучительным и поможет многое понять, от многого избавиться и окрепнуть в борьбе с вашими приобретенными врагами.

Друзья мои! Давайте выпьем за наших врагов! Пока они существуют, мы будем сильны, мы будем добры, мы будем нравственны и непримиримы!

С Новым годом!

Визит врача

Нет, нет, спасибо, я постою. Мне ведь некогда, я, как всегда, тороплюсь. Что же с вами случилось, голубушка? Устали? Ещё бы. Ведь вы целые дни вертитесь... И ночи тоже?.. Ничего не поделаешь, такая у вас обязанность. Если вы перестанете вертеться, не будет вообще ни дней, ни ночей.

Что вас беспокоит? Дети?.. Обычная история! Вы отдали им все свои богатства, а им всё мало. Они преграждают ваши реки, взрывают горы, бурят скважины. Вы отдаете им свою кровь, а они наполняют ею двигатели ракет и покидают вас, стремясь на другие планеты. Конечно, обидно... Что? Вы их именно за это и любите? Вы поистине великая мать.

Я должен вас осмотреть. Повернитесь... Еще повернитесь... О-о, сколько рубцов и шрамов... Следы старых войн?.. Сейчас не болит?.. Только в непогоду ноет? Ясно. А тут?.. Больно?.. Да, это свежая рана. Обожжено напалмом. Знаю, знаю, это очень болезненно.

Я вас хочу прослушать. Откройте кратер. Дышите. Так... Так... Глубокие внутренние хрипы. Ах, ядерные?.. Учтите, это очень опасно, это злокачественно, нельзя запускать – надо немедленно принимать меры!

Как вы наэлектризованы – меридианы натянуты до предела... Почему вас трясет? Бойтесь смерти? Чепуха! Температура у вас нормальная -2000° Сколько вам лет? Всего пять миллиардов? Да вы же совсем девчонка!

Что я вам пропишу? Каждый день принимайте по свежему солнцу. Умывайтесь дождем, растирайтесь снегом... И гоните мрачные мысли! Вам ещё жить да жить. Дайте руку, я проверю ваш пульс. *(Считает)* Раз, два, три... *(Музыка)*.

Растут на Земле города, как грибы,
В пустынях цветут цветы.
Народы бывлые распри забыв,
Мостят через пропасть мосты.

(Считает удары пульса). Десять, двадцать, тридцать...

И Земля продолжает смело
Путь ежедневный свой,
Чтоб яркое солнце пело
У каждого над головой.

(Считает). Сто, двести, триста...

В мирные села пламя и дым
Крылатый несёт злодей.
Земля накрывает телом своим
Могилы своих сыновей.

(Считает). Тысяча, две, три...

Но опять продолжает смело
Путь ежедневный свой,
Чтоб всё-таки солнце пело
У каждого над головой.

(*Считает*). Миллион, два, три...

Вы слышите: сердце Планеты стучит;
Вы слышите пульса речь.
Вы слышите: все мы люди – врачи,
Шесть с половиной миллиардов врачей
Землю должны сберечь!
Чтоб она продолжала смело
Путь ежедневный свой,
Чтоб яркое солнце пело
У каждого над головой!

Новогодний циркуляр

... Неправильно это у нас происходит, непродуманно. Почему Новый Год по всей стране одновременно в январе встречают?.. Это же создает большие производственные трудности: где на всех сразу столько снега взять?.. Я заведу зимним отделом Небесной Канцелярии и только и слышу, как нас ругают: «Опять напутали!.. Опять растаяло!.. Что с климатом творится!..» А ничего не творится – каким был климат таким и остался, просто у нас снега на всех не хватает; лимитировано. У кого есть наряд – тому и отпускаем. А остальных, как обеспечить?.. Нет, на урожай я не жалуюсь – в этом году много снега взяли и града, и крупы. А хранить – нигде, все портится, тает. Можно было бы заморозить, так холодильники в срок не подвезли, поэтому и мороза тоже нет – еле-еле иней наскрести удаётся. Вот и приходится туману напускать, чтоб с рук сошло...

А работать с кем? Кто умеет вкалывать – на производство стремится. Вот и остались у меня в канцелярии только дурочки – снегурочки. Недавно погнали стадо буранов в Кара-Кум, всю пустыню заморозили... А в прошлом году над Саратовом циклон с антициклоном столкнули, лоб в лоб – представляете, что там закрутилось!.. А четыре вагона со снегом вообще не дошли до назначения, исчезли. Говорили, что их ветер развеял. Бросились за ним, второй год ищут ветра в поле... Да это и не единственный случай – тащут безбожно! С чёрного хода выносят по сугробу, по снежинке. Даже поземку украли – они её на пол стелят.

А вчера вдруг звонок:

– Давай снег в Ялту!

– Почему? Не запланировано!

– Туда выехала встречать Новый год жена одного большого начальника – так что давай валяй!

Что делать? Даю. Валю снег в Крым. А в Магадане – оттепель. Меня, конечно, опять ругают. А где взять столько снега, чтобы всем досталось?.. Мы его уже и так дождем разбавляем – слякоть получается. А потом удивляетесь, что у меня зимой снега не допросишься!..

Вот поэтому я и решил циркуляр спустить, чтобы Новый год праздновать не всем одновременно, а по очереди, в течение года... Ни к чему эта штурмовщина к концу декабря, вечный аврал. Спокойно распланируем и будем встречать и в феврале, и в мае и в июне. Тогда и снега всем достанется.

Один раз используем, потом в химчистку и санобработку – и дальше отгрузим. Начнём с Севера, где хранить легче – и постепенно будем передвигать праздник к Югу. Например, в январе Новый год встречают в Якутске и Верхоянске, в феврале – в Мурманске и Архангельске и так далее пошли по карте вниз. В августе, в бархатный сезон, двинем снежную лавину в Сочи. Потом в Ташкенте и Ашхабаде отпразднуем. Детки потанцуют вокруг кактуса. На тройках верблюдов промчится дед Мороз, вернее, дед Жара, вместо Снеговика – Суховей...

Честно говоря, можно было бы и без этих нововведений обойтись. И снег у нас есть, самый белый, и град – самый крупный. А крупы – вообще полные облака. И узорные снежинки вырезать умеем, и мохнатые хлопья прясть. При желании можно столько всего изготовить, что всю Землю укроем, как одеялом. И холодильники достать смогли бы, и хранилища вовремя подготовить, и кадры умелые воспитать – но ведь для этого работать надо, думать, мозги напрягать. А мне, ой, как неохота. Вот я лучше всякие циркуляры и спускаю. Мало ли что для вас плохо – мне так удобней!.. Вот и постановил: больше тонны снега в одни руки не отпускать. И Новый год теперь праздновать в утверждённом порядке. Кто там первый на очереди – подходи и расписывайся в получении снега. А вы не толпитесь, вам в июле встречать.

С Новым годом!

Ставь подпись!

Вот сейчас только и слышишь: плюрализм, реализм, оптимизм... А про тюризм забыли. А лично я – за широкое развитие тюризма: и в большом городе, и в райцентре, и в деревне – всюду своя тюрьма... Тихо, тихо, не надо ойкать и делать руками так!.. Ты сперва выслушай, а потом ладонями махай.

Почему наша экономика периодически пробуксовывает?.. Потому что специалистов мало, профессионалов дефицит – народу не с кем советоваться. А те, кто сохранились, разбросаны по всей стране или по загранице шастают – пойдёшь найди. А раньше, когда мы уже почти процветали, как было? Сидели они все у нас в одном месте, только в разных камерах. Кому нужно проконсультироваться, берёт командировку приезжает и спрашивает:

– Тюрем-тюрем, кто в тюрьме живёт?

А там, как в сказке: и Мышкины, и Зайцевы, и Медведевы...

Один – театру незапланированную прибыль добывал, другой – колхозные помидоры, которые на поле догнали, самовольно горожанам распродавал, третий – прежде чем завод водить, детские сады построил. Их инструкциями, как волков, обложили, а они всякие ходы придумывали, как запреты обойти. Головастые, черти!.. Ну, их за это из нашего планового хозяйства повыдёргивали и – отдыхать, на турбазы. Собрали всех в дружные коллективы: и биологи, и кибернетики, и экономисты. Я там при них служил, так, могу тебе, как наш великий писатель Максим Горький, со всею искренностью заявить: это – мои университеты!.. Там и про продажную девку империализма генетику можно было поразузнать, и в военной стратегии разобраться, и язык иностранный выучить... А ежели развлечься, то тоже есть где: у писателей свой отдельный барак был – любых стихов наслушаешься!..

Ты спросишь: к чему я эти воспоминания ворошу?.. А к тому, что опыт прошлого смахивает со счетов негоже. Поэтому предлагаю их всех туда собрать, хотя бы на месяц, чтобы курсы по усовершенствованию провести. Вся страна, наконец, узнает, где у нас мозговой центр расположен, и к ним потянется... Кто это не позволит?... Ну, и что, что демократия? Демократии приходят и уходят, а традиции остаются – с детства ведь хором просим: «Дайте только срок!»... Ясное дело, время свою поправку внесёт, условия будут другие: камеры – однокомнатные, изолированные, нары – с пружинами, решётки – разноцветные, пижамы – не полосатые, а в цветочках... И организовать надо всё чётко и продуманно: групповые занятия и камерные чтения, и телевидение подключить, чтобы сериал отсняли под общим названием «Хорошо сидим!»... Ну что ты опять руками размахался?.. Если ещё до истины не допёр, тогда прямым текстом скажу: в любом случае их туда собрать надо! Либо чтобы такими курсами народ до ихнего уровня приподнять, либо чтоб их уровня вообще не было – тогда даже на карачках можно спокойно процветать и над Западом посмеиваться за ихнюю отсталость... Так что давай подписывай это предложение и пошлём, куда надо... Почему стыдно? Кто засмеёт? Ох, и тёмный ты пень! Думаешь, это моё личное мнение? Да только свистни – тысячи подпишутся, старая гвардия давно авторучки точит. Так что давай смелей, будем зачинателями тюризма. Тогда и нам работа найдётся, при камерах: я буду камер-юнкером, а ты – камер-динером. Ставь, ставь подпись!

Музыкальные истории

Рассказ дирижёра

Я много лет разъезжаю с нашим ансамблем и всё это время с интересом наблюдаю за музыкальными инструментами. Ведь у них, как и у людей, своя жизнь, беды и радости, которые отложили отпечаток на их характеры. Это не просто музыкальный ансамбль – это коллектив из равных, довольно сложных индивидуальностей. У каждого из них есть душа (ведь без души не сыграешь). А раз есть душа, то есть что-то и на душе, за душой. Но они доверяют свои тайны только самым близким, а с остальными фальшивят. Опять же, как и люди.

Вот, например, гитара.

Особа испанского происхождения с темным скандальным прошлым. Вела ночной образ жизни, пела серенады, была причиной драк и дуэлей... Потом бродяжничала в таборе, пошла по рукам и опустилась до подворотни. Легко расстраивалась, была наэлектризована и всё время замыкалась в себе.

Так продолжалось до тех пор, пока она не встретила нашего гитариста. Она влюбилась в него с первого взгляда и повисла у него на шее. Когда он кладет на неё руку, она трется о его ладонь всеми струнами и мурлычет, мурлычет... Стоит ему уйти – она тоскует и не издает ни звука. Характер её резко изменился: она стала ласковой, веселой, приветливой. Теперь её всюду приглашают, ни одна компания не обходится без неё.

Инструмент следующий – саксофон.

Всегда хохочет! У него репутация заводилы и весельчака.

Но не верьте напускному веселью: у него довольно грустная история. Когда он появился на эстраде, его стали гнать и преследовать, считали, что под его пение молодежь будет разлагаться, – как-будто нельзя разлагаться под гармошку! Попробовали. Убедилась, что можно. Но саксофон всё равно продолжали ругать. Потом оказалось, что слово «сакс» перепутали со словом «секс». Когда и это выяснилось, его стали обвинять в отсутствия прямоты, призывали равняться на дудку и даже попытались выпрямить. Но саксофон придумал хитрый выход из положения: он стал сам себя разоблачать.

Он играл, показывая, как не надо играть; он пел, показывая, как не надо петь. Разоблачал себя до тех пор, пока не стал популярным. Когда стал популярным – его признали. А когда признали – оказалось, что он уже постарел и устарел, мода на него прошла.

Сейчас в нашем ансамбле он работает с кларнетом на полставки. По-прежнему громко хохочет, но не верьте напускному веселью – вы ведь уже знаете его историю.

А это – контрабас.

Он родился скрипкой с прекрасным голосом. Но у скрипки была рука, которая её поддерживала, а у контрабаса такой руки не было. Поэтому его поставили во второй ряд, оправдывая это тем, что у него нет голоса. Контрабас кричал, спорил, протестовал, пока однажды не сорвал голос и не начал басить. «Ну вот, мы же говорили!» – сказали недоброжелатели и даже отобрали у него смычок. С тех пор его всю жизнь щипали, дергали, а он уже и не протестовал. Обрюзг, растолстел и замкнулся в своем футляре.

Но в нашем коллективе его приняли с большим уважением, убедили, что он нам нужен и, даже, дали ему сыграть соло. Он долго канифолился, потом, наконец, настроился, сыграл, и вдруг оказалось, что он очень талантлив, просто надо было в него поверить.

А вот барабан – сердце нашего ансамбля.

Как всякое сердце, он обо всех беспокоится, и каждому подыгрывает, каждому даёт ритм. Его часто ругают:

– Тебе что, больше всех нужно!?. Ведь никто спасибо не скажет. Наоборот! За то, что ты во всё вмешиваешься, тебя же, дурака, беспрерывно бьют. Поумней! Не будь круглым и набитым!

Однажды барабан не выдержал, стал стучать с перебоями, надорвался и лопнул. И ансамбль умер. Нет, музыка продолжала звучать, но в ней не хватало сердца.

Барабан бережно вынесли на руках, что-то заменили, что-то подклеили, и он снова вернулся на свое место. Его опять уговаривают беречь себя, не надрываться, работать в медленном ритме, но он по-прежнему ни минуты не отдыхает и каждому подыгрывает. Он знает, что может снова лопнуть, но он просто не умеет жить по-другому.

И, наконец, главный солирующий инструмент – рояль.

Как о всяком солисте, о нем среди инструментов ходит много сплетен.

Одни говорят, что он барин: имеет ноги, а ходить не хочет.

Другие, наоборот, говорят, что он врождённый инвалид, у него нет четвертой ноги...

Третьи говорят, что в нём слишком много дерева и сыграть на нём всё равно, что сыграть в ящик.

Словом, чего только о нём не говорят.

Но стоит ему начать свою сольную партию – все инструменты немедленно замолкают и, как перед истинным талантом, склоняют перед ним головы.

Да, у каждого инструмента своя жизнь, свои беда и радости, свой характер. Потребовалось немало времени и усилий, чтобы создать из них слаженный коллектив. В этом коллективе иногда ссорятся, иногда завидуют, иногда капризничают, но в основном занимаются общим полезным делом, ради которого они и живут на свете!.. Словом, всё, как и у людей...

Подарите хобби!²

Женский монолог

Мене, як я ещё дівкою була, мама завжди наставляла: «Виходь заміж тільки за інтелектуала. Інтелектуальний чоловік – найкращий турботливий: він тобі навіть від коханки дзвонитиме: як ти себе відчуваєш, які у дитинки відмітки?»... Вот я и вышла за Яшеньку. До Києва его привезла, квартиру зняла, роботу знайшла: у трёх местах офиса убираю... Вечером прибегаю домой, продукты притащу... Гляжу, сидит мой Яшенька около телевизора, грустный – прегрустный, сериал смотрит.

– Чого це ти, мій любий, сумуєшся? – питаю, а відповідь вже заздалегідь знаю:

– Некомфортно мені тут, – відповідає. – Не цікать!

Клара Лучко любила этот монолог

Это ему обидно, значит, что никто его никуда не зовёт и руководящую работу не предлагает. А он у нас у Херсоне главным сантехником был, вся канализация города через него шла!.. А потом, когда канализацию приватизировали, мово Яшеньку уволили, потому что он всю эту перестройку не принял: раньше вина сидив и давал руководящие указания, а теперь стали заставлять його работать... А он до этого не привычный. Тому мы з Херсону у Київ переїхали,

² Актёры Кино часто выступали в гала-концертах, на стадионах и во Дворцах Спорта. Клара Лучко попросила меня написать ей монолог для таких выступлений, чтоб она выходила на сцену в образе простушки-украинки. Я выполнил её просьбу, и с этим монологом она выступала много лет и, как говорила мне, очень успешно.

за новою должностю, а её не дают – от вин и переживае... Ну, я быстренько еду стготовлю, покормлю его и предлагаю, чтобы як-то ему жизнь разнообразить:

– Пойди, – говорю, – полежи под деревом.

Ни, это не сад, это – садочок такой малюсенький за нашим окном... Ни! Его не в метрах измеряють, а в сантиметрах: 220 на 180, як прединсультное давление... Ну, полежит он там у шезлонге, газетку почитает про какое-то новое оружие: какую-то секс-бомбу, и снова на лице – тоска зэлэна. И это понятно: мужчина здоровый, у собственному соку – скучно без дела. От я и решила ему яке-ныбудь хобби придумать. Позвонила маме у село, хотела з нэю посоветоваться. А вона голосыты начала:

– Бедная моя доченька!.. Куды ж ты глядела?.. Шо это за мужик без хобби!.. Теперь ясно, почему у меня внукив нету!..

Вижу, од мамы совета не дождуся, стала у друзей и родичей выпытывать, чем другие мужья занимаються, и узнала много разных мужчинских хобби. К примеру Яшенькин дядя – огородник-мичуринец: новый сорт овощей выводит: пять лет скрещивал горох з редькою. Получился очень интересный овощ: мелкий, як горох, зато горький, як редька. Есть его нельзя, продать невозможно – он им приезжих родичей угощает.

А сын его, Яшенькин двоюродный брат, однокомнатну квартиру купив, тесно ему там, так он эту квартиру розширяет: вынимает из стен кирпичи – ниши делает. Одного разу так увлэкся, что выпав на улицу и чуть пид машину нэ попав... Нет, мене такое хобби нэ пидходить: щоб мужчина из хаты выпадав. Мене надо, як говорить, щоб и дома и замужем.

И тут сосед наш меня на мысль натолкнув. Он – микроумелец, все предметы через микроскоп розглядае. Он свою биографию на собственных волосах записывает, для внукив. И название красыве придумав: "Во весь волос!"... Но выйшла неувязочка: ему уже за семьдесят, его биография продолжается, а волос больше нету: повылазили!.. Так он последние страницы уже на лысине допысуе.

Очень мене это хобби по душе прыйшло: и интеллигентное и домашнее. Вот я Яшеньку и уговорила на пшеничных зёрнах портреты депутатов нашої Верховной Рады вырезать. Ну, сперва, он не очень охотно за это взявся, а потом во вкус вошёл, в месяц по полмешка портретов выдавал. Все соседи этому хобби завидовали, даже журналист из центральной газеты прыйхав, у меня интервью брав:

– Ваш муж пейзажист или моренист? – спрашивает.

– Зернист-пшеницист, – отвечаю. А он в восторге:

– Это же уникальное направление в живописи!

А Яшенька на этом не останавливается: когда пшеницу освоил, решил на гречку перейти, потом на манку... Словом, стал бы он известным и знаменитым, если б нэ моя жадность: кур у садочку завела, десять штук, щоб на яички гроши не тратить, щоб свои были: Яшенька гогель-могель очень любит, так я ему кожый вечер перед сном закручую... Завела я кур, а воны у кимнату заскочили и всех депутатов поклевали, вплоть до спикера. Правда, курам это на пользу нэ пишло, характеры у них очень испортились: орут друг на дружку, дерутся, друг дружку з насеста сталкивають... А Яшеньку моего эта беда пидломыла: снова нэ знае куды себя подиваты, снова з утра до вэчора у телевизора мається. А у мэня сердце изболелось, ночи нэ сплю, всё думаю, как його, бидолашного, зайняты...

(Обращается к зрителям.)

Товарыши!.. Граждане!.. Господа мужчины!.. Може, у кого какое лишнее хобби имеется – поделитесь!.. Вы ему хобби, а я вам за это курицу. Вона вам будет художественные яйца нести, с репродукциями проглоченных портретов. У вас будет уникальна коллекция: уси депутаты Верховной Рады – на яйцах!.. Договорились?... Так я вас за кулисами жду. Курицу – на хобби!.. Прыходьте, пожалуйста!.. Надо же спасти мужика!.. *(Идёт в сторону кулис, потом останавливается и произносит в раздумьи).* А, может, его на работу устроить, а?..

«На ять!»

Я – тихий, маленький, скрюченный, будто из меня корень извлекли. На экскурсии не езжу, в турпоходы меня даже не приглашают. Работаю младшим экономистом. Должности младшего экономиста в штатном расписании раньше не было, её пять лет назад специально для меня пробили, чтобы старшего не давать. С тех пор и не повышают... Да, честно говоря, и не за что. Дадут какое-нибудь задание, а у меня сразу душа в пятки: вдруг не справлюсь!.. Так переволнуюсь, что обязательно напутаю. Вот и укрепилась за мной репутация первого с конца. Я – главный персонаж нашего «Окна сатиры», главный герой всех розыгрышей и эпиграмм. А женщины меня вообще не замечают, да и я на них боюсь глаза поднять. Когда секретарь нашего начальника, Нора Степановна, ко мне за чем-нибудь обращается, я языком шевельнуть не могу, вроде его канцелярским клеем смазали. Нора Степановна мне, конечно, очень нравится, она у нас самая красивая женщина, пожизненная королева красоты, «Мисс Трест»... А меня только в сантройку выбирают и то лишь во время эпидемии гриппа.

А тут новая неприятность: споткнулся я на ровном месте, грохнулся на асфальт и сломал большой палец на правой руке. В больнице мне на него гипс наложили, неделю на бюллетене просидел. А когда гипс сняли, палец согнуть не могу, торчком торчит. Но врач успокоил, сказал, что его разработать можно, и разрешил на работу идти.

Пришёл я в свой отдел, все меня для вежливости спрашивают:

– Ну, как здоровье?

– Плохо, – говорю, – от перелома голова до сих пор кружится, сердце ноет.

А они слушают и на мою правую ладонь смотрят, а там большой палец вверх торчит, мол, всё в порядке, всё «на ять!». Мои коллеги к такому моему поведению не привыкли, спрашивают удивлённо:

– Ты что, лекарства какие-то особые достал?.. Или от инфаркта стал бегать?..

– Откуда мне достать, – хнычу. – Куда уж мне бегом заниматься...

А палец-то вверх торчит и слова мои полностью опровергает: мол, всё нормально, всё имеем, всё можем... Переглянулись мои сослуживцы и впервые за все годы разошлись без насмешек, немного растерянные.

Только сел я за стол, начальник входит, и ко мне:

– Надо срочно ведомость подготовить. Все заняты, рискну вам поручить. Справитесь?

Я вскочил и забормотал:

– Не знаю... Попробую... Постараюсь...

А палец в это время показывает: мол, о чём речь, всё будет о'кей!.. Смотрит начальник удивлённо на мой хвастливый палец и говорит:

– Что ж... Уверенность в успехе – залог успеха. Сделаете – занесёте.

Сию я, работаю и слышу, как вокруг все перешёптываются, моё поведение обсуждают, удивлённо, но уважительно. И мне вдруг от этого так спокойно стало, совсем волноваться прекратил. Быстро справился с ведомостью и понёс.

А в приёмной Нору Степановну увидел и опять сник. А она, как обычно при встрече со мной, подшучивает:

– А чего это вы на работу не являлись? Небось, загуляли с какой-нибудь девушкой?..

Я сжался, голову опустил и залепетал:

– Откуда у меня девушка? Кто со мной гулять захочет?..

А она смотрит на мой наглый палец, который ей нахально отвечает: «Конечно, есть, и ещё какая!», и снова вопрос задаёт, но уже без шутки?

– Неужели, такая красивая?

Я совершенно растерялся.

– Где я возьму красивую?.. Нет у меня никого, нету...

И в доказательство руку к сердцу прижал, но получилось, что палец ещё выше подскочил.

– Каким-то вы дерзким стали, – с уважением произнесла Нора Степановна и незаметно в зеркало глянула, как она выглядит.

Зашёл я к начальнику, положил перед ним ведомость. Он удивился.

– Уже?

Просмотрел, довольно улыбнулся и произнёс:

– Оказывается, вы неплохой специалист. А если вас на должность старшего двинуть – справитесь?

Я испугался, забормотал:

– Страшно... Большая ответственность...

А палец совершенно обнаглел: мол, что за вопрос, конечно, справимся!

Начальник на мой палец смотрит и говорит:

– Мне ваша смелость нравится.

Вышел я в приёмную, а там уже Алиса сидит, референт из соседнего отдела – они с Норой меня обсуждают: слух-то уже по управлению пополз. Смотрят на меня с нескрываемым интересом. А потом слышу Алиса шепчет:

– В нём притаилась тихая сексуальность. Если ему усы отпустить, он на артиста Леонида Якубовича похож будет.

А Нора вдруг разозлилась и говорит, уже громко:

– А чего это вы, Алиса, по чужим отделам разгуливаете?.. Идите на своё рабочее место!

Вышел я в коридор, завернул в туалет сигаретку выкурить. Глянул в зеркало и вижу, вроде я выше ростом стал, вырос как-будто. А потом понял: я ведь всю жизнь согнувшись ходил, плечи вниз, голова опущена – вот и казался маленьким. А сейчас распрямился и сразу рост стал виден.

Возвращаюсь в отдел, прохожу мимо доски объявлений, а там уже приказ висит о моём назначении на должность старшего экономиста с соответствующим повышением оклада. Закружилась у меня голова от счастья: «Ай, да палец, – думаю, – ай да молодец! Чего ж я, дурак, тебя раньше не ломал?»...

Подхожу к своему отделу, а у входа меня Нора Степановна караулит. Засмушалась, глаза опустила и спрашивает:

– Вы на первое мая уже куда-нибудь приглашены?.. Если нет, давайте у меня отпразднуем, поужинаем, потанцуем...

Я по привычке хотел голову втянуть, застесняться, а потом глянул на свой уверенный палец, ещё больше выпрямился и говорю:

– Хорошо, Нора Степановна, приду. Надеюсь, нам будет весело.

А она на меня такими обещающими глазами смотрит и говорит, нежно-нежно:

– Пожалуйста, называйте меня просто Нора.

Влетел я в свой отдел чуть не на крыльях. А тут из поликлиники звонят: почему не прихожу палец разрабатывать?.. Ну, нет, – думаю, – дудки, не дам своё счастье ликвидировать!.. Развернулся и со всего размаху левой рукой по стенке как двину – большой палец хрустнул и сломался. Все заохали, запричитали, а я стою и радуюсь: теперь у меня всё вдвойне «на ять!» будет – и слева, и справа!

Ну, поверьте!

Исполнительница выбегает на эстраду.

– Здравствуйте!.. (Пытается сделать что-то вроде стойки на руках, неудачно). Хотела переворот сделать... Не получилось. Он так и сказал: у тебя не получится – корма тяжёлая... С тех пор и не получается...

Я раньше по физкультуре пятёрки имела. А потом он к нам с режиссёрского курса на актёрский перешёл. Мы в спортзале через коня прыгали. Он увидел, как я прыгаю, и сказал: у этой не выйдет – она левой отталкивается. Я раньше и не знала, какой ногой толкаюсь, прыгала и всё. А когда он так сказал, стала ноги менять, нервничать и шмякнулась на коня, так что тот, хоть и гимнастический, на дыбы встал. Все рассмеялись, а я с тех пор на физкультуру ходить перестала.

А потом у нас был новогодний бал. Он предложил, чтоб мы этот бал как пьесу разыграли: он будет принцем, Сенька Закаблук – королём, а я – Золушкой. Я обрадовалась, ведь это главная роль, а потом – мы же вместе её репетировать будем. Он говорит: ты только первую половину Золушки изобразишь, ту, где она на кухне. А ту, где она на балу в красавицу превратилась, сыграет Лена Вертецкая... Конечно, Вертецкая у нас самая популярная, на конкурсе красоты получила звание «Мисс Общежитие». Но мне всё равно обидно. Набралась храбрости и спрашиваю:

– А почему я не могу всю Золушку сыграть, и на балу тоже?

– У Ленки, – отвечает, – шикарное белое платье есть, в котором она три раза замуж выходила. Она в нём – вылитая принцесса. И танцует здорово. А у тебя ноги, как шнурки, узлом завязываются. Так что будешь сидеть у плиты и плакать, чтобы Золушку жалели.

Сказал он так, будто сердцу пощёчину влепил. Думаю, только бы не зареветь. И, конечно, заплакала. А он говорит:

– Молодец! Очень натурально получается. От репетиций тебя освобождаю.

... На бал все нарядные пришли, в вечерних платьях, а на меня мешок надели. Это он придумал. Настоящий мешок, только в нём три дырки вырезаны, для рук и головы. И верёвкой подпоясан – чтоб видели, какая Золушка бедная. В центре зала ёлка сверкает, под ней Сенька Закаблук в кресле-качалке – это у него такой трон. А мне на сцену старую газовую плиту вытащили, я возле неё в своём мешке и в старых сандалиях сижу, картошку чищу. Только вместо картошки мне луковицы подложили, чтобы легче плакать было. В зале музыка гремит, все кружатся, веселятся, а я в своём закутке и без лука плачу... А когда он в костюме принца появился, в красном плаще, с усиками наклеенными и в шляпе с пером – я чуть в голос не зарыдала... А тут оркестр умолк, все приготовились – ждут появления Прекрасной Незнакомки. А её нет. Все волнуются, король качаться перестал, принц себя за усы дёргает, вот-вот оторвёт. А её всё нет. И тут выползает из-за кулис наш комсорг Феня Дорохова, прячется за плиту и шепчет:

– Ленка закапризничала: мы ей золотые туфли для бала не достали. А они столько стоят, что полкоролевства продать – и то не хватит... Так что беги в зал и охмуряй принца.

– Я?!

– А кто же? Ты ведь Золушка – тебе с ним и танцевать.

– Но у меня даже туфель нет.

– Бери мои, югославские – две стипендии на них ухлопала.

Сбросила она свои туфли, а я их надела – в самый раз.

– Только верни до двенадцати, а то мне до общежития не добратся.

– Спасибо тебе, добрая Феня! – расцеловала я её и в зал спрыгнула.

Музыка. Танцует в луче прожектора.

Тут оркестр заиграл и я перед принцем в танце закружилась. Забыла, что причёска не сделана, что губы не накрашены – потому, что вижу, как все мной любуются, король мне подмигивает, а у принца от удивления даже усы отвалились.

Смолкла музыка, подошёл он ко мне и говорит:

– Какая ты красивая, Золушка!

– Я уже не Золушка, – отвечаю. – Я – невеста принца.

Смотрит он на меня с ещё большим удивлением и говорит уже не по роли:

– Если б я знал, что ты такая, я б тебя давно полюбил.

– Чтобы я такой стала, меня сперва полюбить надо.

– Поцелуйтесь, дети мои, – говорит король, – и устроим шумную свадьбу на всё королевство.

Потянулся ко мне принц, уже даже за плечи взял – вдруг Ленка Вертецкая выбегает.

– Стойте! – кричит. – Обман! Фикция! Не может она принцессой быть – у неё по танцам хроническая тройка!.. Ты же сам говорил, что у неё ноги, как шнурки!..

– Станцуй ещё раз, – попросил принц и сделал знак оркестру.

Снова музыка грянула, а я стою, как урна чугунная: вижу, все смотрят на меня подозрительно – и сразу туфли Фенины стали на ногах тесны, мешок плечи трёт, причёски своей стыжусь... С трудом оторвалась от пола, закружилась, запуталась в собственных ногах, принца с ног сбила – упал он на кресло-качалку и короля с трона сбросил. Оркестр захлебнулся, все зашумели, одни кричат, другие хохочут, а я, сломя голову, из зала бежать бросилась. Так неслась, что одну туфельку потеряла, как в сказке. Только в отличие от сказки меня никто догонять не стал...

Через месяц он на Ленке женился, я даже их от курса поздравляла. А после их свадьбы встречает меня наш комсорг добрая Феня и говорит:

– Вижу, что грусть-тоска тебя мучает. Но я тебе помогу – загружу общественной работой – сразу полегчает. Не всем же принцессами быть – будешь отвечать за уборку в общежитии.

А недавно мне Сенька Закаблук предложение сделал:

– Выходи, – говорит, – за меня. Здоровую семью создадим.

Наверное, соглашусь. Правда, скучно мне с ним, когда вдвоём остаёмся, но ведь не зря говорят: «стерпится – слюбится». Не всем же принцев дожидаться... И из института я уйду. Была у меня мечта в «Алых парусах» Ассоль сыграть... Но не всем же актрисами быть... *(Делает шаг к кулисам. Останавливается)*. Честно говоря, очень мне хотелось на этом конкурсе победить. Но Сенька говорит: «Куда тебе! Там знаешь какие таланты будут!»

А я хотела комиссию удивить – кульбит сделать. Я готовилась, честное слово, но... В меня никто не верит. Ну, и ладно!.. Не всем же лауреатами быть... *(Идёт к кулисам, останавливается)*. Что?... Ещё раз попробовать? Опять не получится... Вы в меня верите?... Нет, правда?... Хорошо, я попробую. *(Отходит для разбега)*. Я раньше здорово прыгала, меня даже дразнили Белкой... Нет, всё равно страшно... А вы и вправду в меня верите?... Даже не сомневаетесь? *(Решительно)*. Тогда я прыгну! *(Делает кульбит)*. Получилось!.. Спасибо вам! *(Снова кульбит)*. Опять получилось! *(Делает подряд несколько кульбитов, покидая сцену)*. Спасибо!.. Спасибо!.. Спасибо!..

Я работаю женой

Я до сих пор свёклу от капусты отличаю только по цвету, как в гражданскую войну противников отличали: это красные, это белые. Готовлю только то, что можно бросить в кастрюлю, не глядя. В основном, концентраты, на завтрак, на обед и на ужин. Муж у меня уже плачет концентратами... А наша собачка Пеппи вообще из дому сбежала, все дни просиживает под соседской дверью: оттуда супом пахнет, так Пеппи от незнакомого запаха дуреет. Соседка для неё миску завела, выставляет на площадку, подкармливает. Однажды слышу, ест Пеппи, аж давится. Неужели, думаю, такая маленькая собачка так громко чавкает? Заглянула в глазок, а это мой муж к миске припал, а собачку ногой отталкивает... Вижу, он без нормальной еды уже звереет.

– Давай, – говорю, – в субботу в какое-нибудь кафе пойдём всей семьёй.

Пришли. Сели. Ждём. Несут.

Сперва подали нам рыбу-саблю, зажаренную вместе с ножнами. Потом свиные отбивные: в них запах мяса навсегда отбит, поэтому их в рыбные дни подают. На третье принесли кисель. Но он был какой-то запуганный: только тронь – трясётся... Разрезать его нельзя, зачерпнуть – невозможно: с ложки соскальзывает, как ртуть.

Муж говорит:

– Мне эту гадость чем-нибудь заесть надо. Если от тебя нормальной еды не дождёшься – сам сварю. Я хочу есть! Хочу кушать! Хочу ням-ням!..

Пошёл он по магазинам, принёс петуха. Где такого выбрал – ума не приложу. Пьеса есть «Синяя птица» – так это про него: не петух – сплошной синяк. Шея – во! Ноги – во! Весь устремлён к рекордам – Олимпийский петух. В нём вообще мяса нет – одни мускулы, твёрдый, как утюг. Варил его муж сутки, с субботы до воскресенья. На обед сослуживца пригласил, похвастаться своими кулинарными способностями.

Обедали они вдвоём: я детей предусмотрительно в кино отправила, а сама больной притворилась. Полулежу в кресле, в другой комнате, и через дверь наблюдаю.

Намерился муж гостю петушину ножку оторвать, а она не отрывается. Начали они тянуть в разные стороны. Растянули того петуха метра на полтора, а разорвать не смогли. Стали есть его с разных сторон, сближаясь. Жуют, жуют, а проглотить не могут. Злятся, нервничают. А я их из кресла утешаю: мол, вспомните Олимпийский девиз: главное – не проглотить, главное – участвовать.

А теперь давайте всерьёз поговорим. Семья должна есть пищу, приготовленную любящими руками, с радостью и доброжелательством, то есть, женой и матерью. А меня этому не научили. Мать была ударницей и общественницей, ей было не до нас. Она всю жизнь кормила семью только готовыми пельменями, зимой, летом, весной и осенью. Отец не выдержал и удрал. На прощанье поцеловал меня и произнёс:

– Лучше быть вечным алиментщиком, чем вечным пельменщиком.

А теперь моя дочь растёт такой же неумёхой, как и я. Мне заранее жаль её будущего мужа: она своих кукол кормит только опилками... А когда мне её учить? Она всю неделю в детском садике. И ваши в садике? И ваши?.. Растыкали детей по садам, и довольны. Разве мы родители? Мы – садисты!.. Да, теперь перед женщиной все дороги открыты: иди в науку, в начальство, в депутаты, даже в президенты... А вот как в семью обратно вернуться? Это я вас спрашиваю, дорогие наши мужчины. Вы нам дали полную свободу. Спасибо! Кланяюсь вам за это. Но ещё ниже поклонюсь, если вы эту свободу у нас чуток отберёте, запретите допоздна просиживать, наши общественные поручения между собой разделите. Помните, что каждая ваша сослуживица – чья-то жена, чья-то мама. Лишний час вне дома – это не сваренный обед, не проверенные уроки. А потом удивляемся, откуда у нас столько желудочников и неучей. А

не пора ли уже громогласно, государственным указом, дать женщине больше свободного времени, перевести на сокращённый рабочий день. Если выиграет семья – выиграет государство. А государство – это мы.

Давайте выиграем!

Обыкновенная история

...Как медленно движется время, дотянуть бы до обеда, там быстрее пойдет. Какие расчеты? Какие схемы? Неужели, кроме меня некому сделать?.. Ладно, сдам, сдам!.. И двадцать дней не увижу ваших проектов и ваших физиономий! Завтра на самолет – и в Гагры... Как я ждал этого отпуска!.. Только двадцать дней маловато. Надо будет ещё на недельку бюллетеньчик добыть... Что насыпаю? Соду, потому что изжога. Выпил бы с моё, так не соду бы глотал, а огнетушитель. Как не пить, когда дядя Ваня именинник. Он будет поить до тех пор, пока тебя не вынесут из-за стола ногами вперёд... Вчера дядя Ваня, позавчера – тётя Оля, неделю назад – сосед по площадке – и так каждый день, сплошная обжираловка. Не ходить – значит, потеть всех своих родственников и друзей. Какой выход? Улететь за тридевять земель. Горный воздух, морские купания и только боржоми – утром, днём и вечером... Да? Да, я. Валюша? Молодец, что позвонила. Какая Аська? Ну, как ты можешь... Перестань выдумывать! Я её не обнимал... Не обнимал! Это танец! Когда танцуешь, держишь даму за талию. Это не я придумал, а испанцы, когда танго изобрели... Ты пойдёшь меня провожать?.. Да перестань про Аську!.. Господи, как я от всех устал! Скорей бы удрать, скорей!.. Солнце, море, воздух, боржоми. Никаких проектов, никаких любовных историй. Хоть раз в году от всего этого отдохнуть... О, как тянется время!..

...Море! Здравствуй, море! Как я по тебе соскучился. Какое ты тёплое... Нет, нет, никаких коктейлей – только плавать!.. Как ты меня баюкаешь, о, мое море!.. Ну и что особенного: ножки, как ножки. Да хоть бы сама Элизабет Тейлор! Я не ханжа, просто я не затем сюда приехал... Какое ласковое солнце... Какая приятная усталость... Да не надо мне взбадриваться! Я вообще здесь капли спиртного в рот не возьму!.. Где мой родной боржомчик?.. Где мои целебные пузырьки?.. О-о-о, благодать!.. И никакой изжоги!.. А теперь опять в море. И опять загорать. И опять боржомчик...

...Да, чуток обгорел – посидим в тени. А с чем коктейль? С чачей? Никогда не пил. Ладно, ради интереса. Оригинальный вкус, как денатурат с компотом. Зачем ещё пять порций? Прозапас? А куда их? Ладно, вылей боржоми – будет тара. Да не на песок лей – на спину: это же целебная вода... А ты прав: ножки ничего. И вообще... Ася? Чудесно! Это моё любимое имя. Вы вечером не заняты?.. Нравится шашлык?.. Надо запивать его вином. Да не такими глоточками! Здесь пьют стаканами, вот так. Не любите вино – возьмём коньяк... Разрешите пригласить. Это танго, прекрасное изобретение испанцев. Я не обнимаю – я просто держу за талию... А теперь – за наше знакомство. Нет, нет, за знакомство – шампанское!..

...О, как трещит голова... Печёт!.. Да не солнце – изжога! И мне охота выкупаться, но я не дойду до воды: шатает. Я бы с радостью не пил, но мы вчера были в «Приморском». Да не с Асей, а с Тасей. С Асей уже всё кончилось. С Тасей началось. Баранину жрали. Я, наверное, полбарана в себя впахнул – до сих пор переварить не могу... Я бы не ел, да надо было закусывать. Да не люблю я вино – просто нужно было запивать... Слушай, у тебя соды нет?.. Хотя бы каустической?..

...А тут появилось много новых лиц. И пристань достроили. Всего три дня не был, а сколько перемен... Прятался у хозяйки в сарае. Нет, не скучно. Начертил две схемы к своему проекту, пересчитал узел... Спрашивали? Обе?.. Меня нет! Я уехал!.. Я, действительно, уезжаю. Вот, билет добыл. Сегодня вечером. Подумаешь, на десять дней раньше – я уже прекрасно

отдохнул. Давай прощаться. Только обнимемся на расстоянии: у меня всё тело в волдырях...
Который час? Как медленно движется время. Дотянуть бы до обеда, там быстрее пойдёт...

Здравствуй, город Кишинёв! *рассказы*

Мой брат, Леонид Каневский, первым читал этот рассказ

Здравствуй, город Кишинёв!

Когда-то маленький сын Иосифа Андрюша спросил: папа, кто такой самец? Иосиф объяснил, что это тот, кто руководит стаей, следит, чтобы был порядок, за всех отвечает, и все его слушаются.

И тогда Андрюша обрадовано воскликнул:

– Я понял: у нас бабушка – самец!

Самец-Ривка по-прежнему руководила и сыновьями, и невестками, и внуками. Единственно, кто был ей неподвластен – это брат Миша, бывший чекист, который уже давно находился в заслуженном маразме.

Миша был одинок, семью не завёл, потому что в каждой женщине, с кем он начинал встречаться, подозревал подосланную к нему шпионку.

Конечно, ехать в Израиль он бы никогда не согласился, ибо всю жизнь слово «сионист» использовал, как ругательство и пугал им всех родственников. Поэтому ему сказали, что семья переезжает в Кишинёв: Миша там родился, там производил первые обыски и аресты, поэтому сохранил о городе самые тёплые воспоминания и мечтал в нём побывать перед смертью. Маленький, сморщенный, он был уже за пределами возраста, очень похож на пришельца, только не сверху, а снизу. У него были такие дырявые зубы, что приходилось давать ему две порции мяса: первая порция вся забивалась в дырки, и только тогда он мог разжевать и проглотить вторую порцию. Идти к стоматологу категорически отказывался, опасаясь диверсии агентов империализма.

– Дети, это уже Кишинёв? – приставал он ко всем в Шереметьевском аэропорту, а потом в Будапеште.

В самолёте всю дорогу продремал. Когда подлетали к Тель-Авиву, вдруг открыл глаза, увидел сквозь иллюминатор синюю гладь и очень удивился:

– Разве в Кишинёве есть море?

– Есть, есть, – успокоил его Борис. – Это искусственное море.

– А, Братская ГЭС, – догадался Миша и снова закрыл глаза.

Когда приземлились, его разбудил гром оркестра. Он удивился:

– Чего это они?

– Это тебя встречают, – объяснил ему кто-то из внуков.

Миша растрогался.

– Ещё не забыли! – Он вспомнил сотни обысканных квартир, тысячи арестованных им врагов народа и гордо улыбнулся. – Хорошее не забывается!

Когда спускались с трапа, к нему подскочил репортёр Телевидения.

– Вы довольны, что вернулись на свою Родину?

– Я счастлив! – ответил Миша, от умиления заплакал, пал на колени и стал целовать родную землю.

Этот эпизод отсняли и показали по телевидению. Миша был счастлив и горд, вслушивался в ивритские слова «саба», «оле хадаш», «савланут» и вздыхал, что уже окончательно забыл молдавский язык.

– А ты смотри Москву, – посоветовал ему Борис и включил русскую программу. Шла передача «Время». На экране показали очередь у Израильского консульства на Ордынке.

– Куда это они? – спросил Миша.

– Тоже в Кишинёв, – ответил Борис.

– Кишинёв не резиновый! – заволновался Миша. – Что у них других городов нет?.. Свердловск или Якутск, например?

– Они торопятся в Кишинёв, чтобы не попасть в Якутск, – буркнул Борис.

Миша долго не мог успокоиться.

– Сидели, сидели, а теперь все ко мне в Кишинёв!.. Раньше надо было думать, раньше!

С утра до вечера он дремал на балконе, наблюдал, прислушивался и снова дремал. Ничто не вызывало его подозрений: звучала русская речь, продавались русские газеты, из раскрытых окон гремело русское радио.

– Румынов много, – сообщил Миша, увидев толпу арабов, – надо закрыть границу!

Раздражали его и вывески на иврите:

– Почему на русском пишут меньше, чем на молдавском?

– Это их республика, их язык, – толковывала ему Ривка. – Зачем им русский?

– Как это зачем?! – возмущался Миша. – Затем, что им разговаривал Ленин!

– Скоро все по-русски заговорят, – успокоил его Борис, – даже они. – Он указал на двух чернокожих евреев из Эфиопии.

– А это кто такие? – испуганно спросил Миша.

– Тоже молдаване.

– Почему такие чёрные?

– Жертвы Чернобыля, – нашёлся Борис, – прибыли на лечение.

– Да, сюда теперь все едут! – произнёс Миша с гордостью за свой родной Кишинёв. – Не зря мы для вас старались!.. Нет пьяниц – вот вам результат антиалкогольного указа!.. Витрины переполнены – это плоды продовольственной программы... А вы всё ругаете коммунистическую партию, всё недовольны!.. Вот она, Советская власть плюс электрификация всей страны!.. Мы наш, мы новый мир построим!.. Правильным путём идёте, товарищи!.. – От волнения всхлипнул. – Дожил я, дожил на родной земле!

Снова пал на колени и стал целовать кафельные плитки балкона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.